

Глава 1

Ноябрь

— Что ж... полагаю, увидимся, когда увидимся.

Я не могу выговорить ни слова из-за комка в горле, а потому лишь киваю. Наши последние четыре дня с Джоной в Торонто прошли как в тумане. Блаженном тумане, который я еще не готова покидать. Водителю «Убера», что повезет меня домой после этого прощания, придется созерцать рыдающую меня на заднем сиденье.

В льдисто-голубых глазах Джоны мелькает неразборчивое выражение. Я все еще не привыкла к нему без бороды, хотя, признаюсь, мне пришлось по вкусу любоваться его точеной челюстью и ямочками на щеках. Он делает глубокий вдох и отворачивается; его сумка перекинута через широкое плечо, а между двумя стиснутыми пальцами зажаты посадочный талон и паспорт.

Я наблюдаю, как Джона передает документы сотруднику у пропускного пункта на рейсы, направляющиеся в США. Тот проверяет их всего секунду, прежде чем машет рукой в сторону стеклянных дверей таможенного контроля. По ту сторону Джону ожидает четырнадцатичасовой перелет домой. Через несколько секунд этот небесный ковбой пропадет с моих глаз и исчезнет.

Кто знает, когда я увижу его снова? Он прилетел сюда, чтобы лично сказать мне, что последние два месяца после моего

К.А. Такер

отъезда с Аляски он был несчастен, что он не хочет становиться копией моего отца, всю жизнь тосковавшего по моей матери, что он намерен создать тех «нас», которые могут быть вместе. Что он готов провести свою жизнь рядом со мной.

Я еще не дала ему ответ, слишком страшно было решиться. Однако сейчас...

Сейчас я чувствую, как изнутри меня поднимаются слова — эмоции, рвущиеся наружу.

— Да!

В моих ушах бьется пульс.

Джона оборачивается и приподнимает брови.

Сошла ли я с ума? Может быть.

Но я полностью отдаю себе в этом отчет.

Я делаю шаг вперед и нервно сглатываю.

— Я вернусь на Аляску.

Потому что, побыв снова с Джоной — смеясь, предаваясь воспоминаниям и просыпаясь в его объятиях, — я убедилась в том, в чем сомневалась последние несколько месяцев: я безумно влюблена в него, и жизнь в Торонто без него для меня больше не имеет смысла.

Я устала прощаться с этим человеком.

Джона выходит из очереди и сокращает расстояние между нами, бросает сумку у ног. Сейчас пять утра, и мы мешаем потоку пассажиров, спешащих на свои рейсы, заставляя их обходить нас с обеих сторон. До моих ушей доносится ворчание, но мне нет никакого дела до недовольных в этот момент.

Суровая хмурая складка на красивом лбу Джоны, пристально вглядывающегося в меня, говорит о том же с его стороны.

— Ты это серьезно?

Я киваю.

— Да. Я имею в виду, если ты всерьез намерен переехать в Анкоридж...

— Когда? — требовательно перебивает он жестким голосом.

— Я не знаю. Как только смогу.

Сколько времени требуется, чтобы собрать вещи и переехать в другую страну? В страну, в которой я родилась и гражданство которой у меня по-прежнему есть, конечно, но в которой я не жила уже более двух десятилетий.

Его глаза сверкают решимостью.

— На Рождество.

Я смеюсь.

— До него всего *месяц!*

— И что? Тебе не хватит времени? — Это вызов, брошенный в типичной для Джоны прямолинейной манере. — Я отменил свою поездку в Осло к маме. И Агги с Мейбл будут тебе рады. Тем более что это первое Рождество без Рена. Тебе нужно приехать. — Его адамово яблоко дергается, когда он тяжело сглатывает. — Приезжай.

И где-то в словах Джоны, его тоне и том, как он смотрит на меня, я различаю тихую мольбу. По правде говоря, идея оказаться рядом с самыми близкими людьми моего покойного отца на праздники с каждой секундой выглядит все более заманчивой и все более осуществимой.

— Ладно, — выдыхаю я, и мой голос дрожит. — Если смогу, я приеду. Приеду, как только получится.

Он притягивает меня к своему крепкому телу и наклоняется, чтобы прижаться лбом к моему.

— Черт тебя побери, Калла, а ты знаешь, как заставить парня вспотеть.

Ухмыляюсь, потянувшись рукой вверх, чтобы провести кончиками пальцев по его заросшей щетиной челюсти. Я спрятала его бритву два дня назад, чтобы он не брился. Этот поступок показался мне поэтически справедливым после того, как йети все лето прятал мои косметички у себя на чердаке. К сожалению, Джону это не волнует.

— Прости. Решилась всего несколько секунд назад.

Хотя, если быть честной, думаю, я знала ответ все время.

— Да неужели? Потому что ты не можешь сказать мне подобное, а потом струсить. Мне придется выставить дом на про-

К.А. Такер

дажу *прямо сейчас*, если мы рассчитываем хоть на какой-то шанс переехать с Аляски к следующему лету...

— Не *струшу*, — обещаю я.

И закусываю губу, чтобы удержаться от признания, которое едва не срывается с языка, мои щеки краснеют.

Челюсть Джоны напрягается.

— Что?

«Я люблю тебя». Эти три слова предназначались ему с той самой секунды, как только я услышала его смех на нашем крыльце, и все же не могу найти в себе силы сказать об этом. Смешно, учитывая, что силы переехать на Аляску ради него я нашла. Наверное, это потому, что он попросил меня. Если бы Джона признался мне в любви, то ответ сразу бы слетел с моих губ, в то же самое мгновение. Однако этих важных слов он еще не произнес.

— Не передумаю, — вместо этого произношу я.

Взгляд Джоны становится более сосредоточенным, оценивающим, словно он пытается прочесть мои мысли.

— Ладно.

— Ладно. — Я выдавливаю нервный смешок. — Вот черт, мы сделаем это!

— Сделаем, и это будет здорово, вот увидишь.

Он снова целует меня, медленно и настойчиво, его ладонь гладит мой затылок, а пальцы перебирают распущенные волосы.

Кто-то бросает: «Свалите с дороги», и Джона отстраняется, чтобы бросить на него угрожающий взгляд. Маленький человечек со сморщенным лицом опускает голову и сразу же делает вид, что это был не он.

— Мне пора. — Джона смотрит на свои часы. — Я и так уже опаздываю. К тому же мы разозлили половину аэропорта.

Я встаю на цыпочки, чтобы украсть еще один его поцелуй.

— Позвони мне, как только приземлишься.

Я получаю одну из кривых ухмылок в ответ — ту, которую раньше мне хотелось содрать с лица Джоны и которую так сильно запомнить теперь.

— Удачно рассказать новости Сьюзан.

Глава 2

Декабрь

— Вот и все! — с какой-то обреченностью объявляет мама.

Ее орехово-зеленые глаза влажно блестят, когда она окидывает взглядом контрольно-пропускной пункт на рейсы в США. Даже в это неподобающее время к нему стекаются целые полчища пассажиров, летящих к кому-то на праздники.

— *Мам.* — Перевожу на нее взгляд. — Я не умираю.

— *Я знаю.* Просто... — Она смахивает слезу своим свежеманикюрным ногтем модного сейчас цвета клюквы. — Наконец-то понимаю, что означало выражение лица моей матери, когда я вот так же сказала ей, что переезжаю жить на Аляску. Наверное, мне стоит позвонить ей и извиниться.

Мое сердце колотится от предвкушения. С тех пор как я попрощалась с Джоной на этом самом месте после его неожиданного визита в Торонто, прошло четыре недели, пять дней и двенадцать минут.

А еще целая куча всяческих приготовлений: многочисленных бланков, подписей и непомерных пошлин для срочного продления моего американского паспорта; часов, проведенных в Интернете за изучением информации об Анкоридже; огромного количества вопросов и предостережений от моей матери: «Ты действительно уверена, что хочешь этого?», «А вдруг ему нужно твое наследство?» — что вызвало не одну грандиозную

К.А. Такер

ссору; тщательно сформулированных психоаналитических бесед с Саймоном за его тайником с картофельным пюре быстрого приготовления о том, что мои чувства к Джоне *могут* быть остатком нашей глубокой связи, возникшей после смерти моего отца, и, *если* это так, то они не станут прочным фундаментом для начала совместной жизни.

И, конечно же, бесчисленных сообщений и телефонных звонков Джоне, пока я паковала вещи, строила планы и отсчитывала дни.

И вот я здесь — стою в международном аэропорту Пирсон в 5:17 утра, сжимая в руках телефон и три билета на три самолета, которые сократят расстояние в пять с половиной тысяч километров между мной и объятиями Джоны.

Потому что только так я смогу узнать, к чему все это сможет нас привести.

Что бы ты сказал о таком повороте событий, а, пап?

С тех пор как умер Рен Флетчер, прошло уже более трех месяцев, а я все еще продолжаю думать о нем каждый день. У меня до сих пор болит в груди при каждом воспоминании. До сих пор слезятся глаза, когда я листаю бесчисленное количество фотографий, сделанных этим летом на Аляске. Мое горло все еще сжимается, когда я произношу его имя.

Подумать только, в июле он был для меня почти незнакомцем — человеком, отдалившимся от меня в мои четырнадцать лет, и не более чем далеким голосом в телефонной трубке до того — и все же нечаянно он сумел создать мне будущее на Аляске.

Джона был ему как сын. Так что папа был бы в восторге от новостей, я уверена.

— Сьюзан, нам *действительно* стоит поспешить на поезд до нашего терминала, — предупреждает Саймон с мягким британским акцентом, как у Хью Гранта, похлопывая ее по плечу и украдкой бросая взгляд в мою сторону. Мы все знали, что прощаться в аэропорту — не самая лучшая идея.

Однако это все же не помешало маме купить им билеты на острова Теркс и Кайкос с вылетом на двадцать минут позже моего, что просто гарантировало, что мы окажемся в этой ситуации.

Мама поправляет широкополую шляпу от солнца — слишком хрупкую, чтобы паковать ее в чемодан. Моя собственная шляпа, похожая на эту, — та, которую я по глупости надела в свой первый прилет на Аляску, — сейчас висит на вешалке в доме Джоны. Я оставила ее на память, а еще потому, что мне не хотелось лететь в ней обратно.

На этот раз я одета гораздо практичнее: легинсы, свободный удобный свитер и замшевые туристические ботинки, которые доставят массу хлопот на контроле, но в остальном идеально подходят для долгого путешествия.

— Мне бы хотелось, чтобы вы, ребята, пересмотрели свои планы на праздники, — бормочет мама.

— Уже слишком поздно что-то менять.

Сомневаюсь, что на двадцать третье декабря остались свободные места до Теркса. Особенно такие, которые стоят меньше пяти тысяч долларов за билет.

Однако я уверена, мама не теряет надежды, что в последнюю минуту все может поменяться. Но Джона не передумает, что в этом году ему необходимо быть с Агнес и Мейбл.

А я не передумаю, что мне необходимо быть с *ним*.

— Напишу тебе вечером, когда доберусь до Джоны, — обещаю я. Этот парень *наконец-то* провел себе Интернет.

— И позвони мне утром, когда проснешься.

— Да-да... — Я обвиваю руками мамины плечи и притягиваю ее к себе. — Счастливого пляжного Рождества.

Ее ответные объятия слишком свирепы для такой маленькой женщины. Она крепко прижимает меня к себе, и я ощущаю цветочные духи мамы, так подходящие флористу.

— Я буду молиться, чтобы до конца твоего перелета не начался снегопад, — шепчет она, и хрипотца в ее голосе заставляет узел в моем горле затянуться. — Передавай Джоне привет.

К.А. Такер

— Передам.

Я отстраняюсь от нее и перевожу взгляд на Саймона, который сейчас исполняет роль носильщика чемоданов и занят тем, что поминутно поправляет воротник своего зимнего пальто, несмотря на то, что лицо его покраснелось от жары. С тех пор как я вернулась с Аляски в сентябре, все больше замечаю признаки его солидного возраста: морщинки на лбу и у рта, его дряблые руки, редкие седеющие волосы. Он был единственным отцом, на которого я могла положиться в течение двенадцати лет своей жизни. А теперь, когда я пережила боль от потери моего родного отца — человека, которого я снова научилась любить, — остро осознаю, что однажды мне придется пережить потерю и Саймона.

Но я надеюсь, что это случится только через *много-много* лет.

— Попробуй загореть, ладно? — дразню я. Саймон, без сомнения, проведет все дни на островах, прячась под самым большим зонтом, который только сможет отыскать, намазавшись солнцезащитным кремом с SPF под сотню и с полоской цинка на переносице для дополнительной защиты.

— Ты тоже.

Я смеюсь, когда он крепко обнимает меня.

— С ней все будет в порядке. Я не дам ей хандрить, — говорит Саймон так тихо, чтобы слышала только я. — Ты можешь оставаться на Аляске с Джоной до тех пор, пока это будет важно для тебя. Но помни: всегда есть местечко здесь, если вдруг поймешь, что тебе это нужно. Мы не будем ничего спрашивать. Ну... только если пару вопросов, — подмигивает он.

— Знаю. Спасибо.

У меня в животе трепещут бабочки, когда я взваливаю рюкзак на плечи, испытывая облегчение от того, что три моих чемодана со всем необходимым для выживания уже благополучно грузят на самолет до Чикаго.

— Что ж, до скорого? — А что еще можно сказать родителям в день своего переезда на противоположную часть континента?

Мама кивает и с трудом слатывает, ее рука слепо тянется к руке Саймона.

— Я всего лишь на расстоянии телефонного звонка, СМС или Фейстайма, — заверяю я ее, и подошвы моих ботинок скользят по полированной плитке, когда я начинаю отходить. — Удачного вам полета.

— И тебе, — ободряюще улыбается Саймон.

Достав из сумочки свой недавно переоформленный американский паспорт, пробираюсь вперед, чтобы вручить его проверяющему с каменным выражением лица. Это мой первый раз за двадцать четыре года, когда лечу как гражданка США. Мужчина едва заглядывает в документ и протягивает обратно, кивая.

Оборачиваюсь в последний раз и вижу, как длинная рука Саймона обхватывает плечи моей матери, притягивая ее к себе. Она и близко не испытывала подобных эмоций, когда я уезжала на Аляску в прошлый раз. Но тогда это была временная поездка. Для моего отца. И для меня.

А сейчас...

Сейчас я переезжаю на Аляску. К Джоне.

Грубому суровому йети, который превратил мою жизнь в ад, которого всего несколько месяцев назад терпеть не могла и с которым мне через многое пришлось пройти.

Теперь я оставляю позади все, что было мне знакомо, ради того, чтобы быть с ним. Глубоко вздохнув, делаю шаг через раздвижную стеклянную дверь.

— Его *уже* отменили.

Пялюсь на красное слово, мигающее на экране напротив моего рейса в Бангор, который должен был вылететь из Анкориджа через четыре часа.

— Да, я видел. С прошлой ночи стоит жуткий снегопад. Сильнее, чем прогнозировали. На этом конце штата все уже заблокировано, — хриловато отвечает Джона мне в ухо.

К.А. Такер

Выглядываю в окна, выходящие на взлетно-посадочные полосы. Не вижу ничего, кроме голубого неба, искрящегося белого снега и инея на подоконниках, свидетельствующего о морозе на улице.

— Но здесь *нет снегопада*.

— Ну, между тобой и этим апокалипсисом шестьсот пятьдесят километров и горный хребет.

Джона ранее упоминал о возможности «небольшого снега» в прогнозе. Однако он ни разу не использовал термин «апокалипсис».

— Как думаешь, есть ли шанс, что он ослабнет?

Мы решили, что будет куда проще и дешевле, если я воспользуюсь коммерческим рейсом, вместо того чтобы вынуждать Джону проделывать весь этот путь самому, чтобы забрать меня. Однако, учитывая ситуацию, может быть, он смог бы запрыгнуть в самолет и...

— Не при таком раскладе. Предположительно, снегопад продолжится до завтра.

— *Завтра?* — Чувствую, как понижают мои плечи. А я-то все радовалась, как гладко проходит мое путешествие. — Это отстой!

— Расслабься. Так уж здесь заведено. Ты привыкнешь к подобному.

— Не хочу привыкать, — надувшись, отвечаю я.

Три аэропорта, два самолета и одиннадцать часов пути... Чувствую, как разочарование одолевает меня. Отчаянно хочу увидеть Джону — больше всего на свете.

Он смеется.

— Ну... Будем надеяться, что твой самолет вылетит завтра.

Я в недоумении. Завтра — это двадцать четвертое. Если он не вылетит завтра, то...

— Боже мой! Я проведу Рождество *одна* в аэропорту!

— Не беги вперед паровоза. Все может измениться в один миг. Слушай, я заранее снял тебе комнату в домике вниз по дороге. Ничего особенного, но большинство гостиниц уже занято,

ведь сейчас праздники. Я знаю владельцев, Криса и Андреа. Они милые люди. Найми челнок, чтобы добраться до них.

— Благодарю, — с покорностью отвечаю я.

— Не за что, Барби.

Улыбаюсь, несмотря на кислое настроение. Раньше терпеть не могла, когда он так меня называл.

— Ты уже отрастил бороду? — спрашиваю снова, однако Джона продолжает увиливать. Надеюсь, что да — никогда не думала, что буду этого хотеть.

— Придется тебе подождать и посмотреть самой. Давай. Забирай свои двадцать пять чемоданов с перевесом и поезжай к ним. Набери меня позже.

— Хорошо.

Прикусываю губу, сдерживая желание произнести те три коротких словечка, которые удержала в себе месяц назад в аэропорту и которые заглушаю теперь при каждом телефонном звонке, уговаривая себя, что не могу произнести их впервые, находясь за сотни километров от Джоны.

В глубине души просто боюсь, что он не испытывает ко мне того же. Во всяком случае пока. Знаю, что его чувства ко мне сильны, — иначе мы бы не затеяли все это. Но если Джону что-то и характеризует, так это его прямота и бесстрашие, и все же он еще не сказал, что любит меня. Данный факт заставляет меня думать, что, возможно, он еще и сам не уверен в своих чувствах.

А я не могу стать первой, кто произнесет признание.

— Ну, поболтаем позже?

Джона усмехается.

— Да, разумеется. Увидимся, Калла.

Направляясь к багажной карусели, изо всех сил стараюсь не волочить ноги по полу. К счастью, чемоданы с чикагского рейса уже выгружают на ленту. Я пока не вижу своих, а потому останавливаюсь неподалеку и жду, и мое разочарование от того, что застряла в Анкоридже на ночь, да еще и вдалеке от Джоны, весьма сказывается на моем настроении.

К.А. Такер

Тридцать минут спустя, уже после того как окончилась выдача и последние пассажиры разобрали свои вещи, добавляю в свой список «вещей, которые пошли не так, когда я переехала на Аляску», еще и пропавший багаж.

Когда-нибудь посмеюсь над этим... но это будет когда-нибудь потом.

Глава 3

— Почему Аляска против того, чтобы у меня была одежда? — Я принимаю бокал красного вина из рук официанта — мужчины в черной рубашке на пуговицах, с неухоженными каштановыми волосами, — с кивком благодарности, прижимая телефон плечом к уху.

— Ты выглядишь слишком хорошо без нее, — иронично отвечает Джона.

Мои щеки вспыхивают. Последний раз я оказалась без своего багажа благодаря ему и той крошечной жестяной банке, на которой Джона прилетел за мной, когда считал меня просто избалованной соплячкой, нуждающейся в уроке.

— Ты снова имеешь к этому какое-то отношение?

Он смеется.

— Хотел бы. Их куда-то перебросили?

— Судя по всему. Багаж, отправляющийся в Чикаго, перетасовали из-за какой-то заминки с перевесом. Мне сказали, что чемоданы отправят сегодня ночью и их первым же делом доставят завтра утром ко мне в отель.

Уж не знаю, верить ли им. Служащий аэропорта извинился, обещал возместить мои непомерные расходы, а затем предложил мне дорожный набор, состоящий из дешевой одноразовой зубной щетки и крошечного тюбика зубной пасты. К счастью, свои туа-

К.А. Такер

летные принадлежности и косметику положила в ручную кладь. С ними и пижамой, которую прикупила в «Волмарте» по дороге, эту ночь я переживу.

Но что меня беспокоит больше всего — так это рождественские подарки, которые упаковала в чемоданы.

— Что, если они не успеют прилететь вовремя? Мой рейс назначен на три.

Я провисела на телефоне с авиакомпанией два часа из своего гостиничного номера, чтобы заполучить это место.

— Не волнуйся. Одежда тебе не понадобится. По крайней мере, несколько дней точно.

Моя кровь бурлит от непроизнесенного обещания Джоны о том, что последует дальше, и его еще более хриплого, чем обычно, голоса.

Временами последний месяц казался просто бешеным из-за подготовки к моему переезду, но он затянулся. Мы прошли долгий путь от почти совместной жизни в недели, предшествующие смерти отца, до расставания в тот прохладный день в Анкоридже, когда не планировали продолжать наши отношения, и до воссоединения два месяца спустя во время четырехдневного визита Джоны к нам на выходные.

В моей спальне на третьем этаже, прямо над мамой и Саймоном.

Это не совсем благоприятствовало той близости, которой мы оба жаждали, тем не менее тогда мы предприняли все возможное. Однако это многомесячное ожидание закончилось для меня лишь непрекращающимся разочарованием.

Слышать подобные вещи от Джоны совсем не просто.

Просто дожидаться *не могу* того момента, когда останусь с ним наедине.

Я делаю глоток вина.

— Снегопад еще не кончился?

— *Еще* не кончился. Как тебе отель?

Я понижаю голос до тихого шипения.

— Если не считать всех этих *мертвых* животных?

Стены холла оказались доверху увешаны медвежьими шкурами, оленьими головами и чучелами рыб всех возможных цветов и размеров, а еще в фойе обнаружилась люстра из разномастных оленьих рогов — собранных в лесу или добытых в результате убийств, — тусклый свет которой добавлял этому месту только большей жути.

— Рядом со стойкой регистрации стоит чертов *водяной буйвол*.

— Это мускусный бык.

— Да неважно. Этот дом — могильник диких животных.

— Ага, это их фишка. Андреа — таксидермист.

Мои глаза широко распахиваются.

— Так это она изготовила все эти штуки?

— И добыла большинство из них на охоте. Тебе стоит осмотреть их дом. Там в углу есть взрослый медведь гризли.

— Звучит восхитительно, — морщусь я, пытаюсь представить себе женщину, которая находит удовольствие в потрошении животных и измерении их глазниц для подбора идеального размера стеклянных шариков. Что-то подсказывает мне, что обмениваться любимыми оттенками лака для ногтей мы не станем.

— Ты на Аляске. Стреляют и набивают шкуры здесь не только мужчины. Таков уж порядок вещей. Ты привыкнешь.

Вздыхаю. «Привыкнешь», кажется, теперь новая любимая фраза Джоны.

— До тех пор, пока ты не принесешь мне домой тушу и не попросишь меня разделать ее и приготовить.

Знаю, что Джона и сам охотится. Видела коллекцию винтовок и дробовиков в его сейфе. Просто еще не до конца уверена, как я к этому отношусь.

— Даже не мечтай. — Улавливаю улыбку в его голосе. — А ресторан уютный хотя бы?

— Ага, — признаю я.

Он отделан темными деревянными панелями и обогревается настоящим сложенным из камня сельским камином, пылающим в соседнем углу. Окна выходят на замерзшее и покрытое